

А. А. Авдашкин

Китайцы на Южном Урале в 1920-е годы

Миграционная активность населения в XX — начале XXI в. привела к актуализации этнокультурных различий, в этот период повсеместно складывались различные общины мигрантов. Трансграничные миграционные сообщества играют все более заметную роль в современном мире. Ярким примером такого объединения в новейшей истории России являются китайцы. В особенности это относится к восточным окраинам, где издавна существовали прочные хозяйственные и торговые связи с восточным соседом. С учетом территориальной близости Китая и России, глубокой интеграции экономик двух стран в последние десятилетия, постепенное формирование китайской диаспоры в нашей стране уже практически не вызывает сомнений. В перспективе в российских городах вполне можно ожидать появление чайнатаунов¹. В различных частях России уже образовались землячества и хозяйственные объединения выходцев из Поднебесной, созданы разветвленные и эффективные сети социального регулирования и взаимной поддержки, помощи в адаптации к принимающему обществу. Однако пока сложно сказать, на какой стадии развития они находятся, не совсем ясно, как выглядят и функционируют объединения мигрантов из Китая.

***Авдашкин Андрей
Александрович***

канд. ист. наук,
ст. науч. сотр.,
Южно-Уральский
государственный
университет
(Челябинск, Россия)

Хронология миграции китайцев на территорию России выглядит следующим образом. Первый этап включает период с середины XIX в. до второй половины 1930-х годов. До революции купцы из Китая вели оживленную торговлю на территории Российской империи. В годы Первой мировой войны на стройках, металлургических и каменноугольных предприятиях работало несколько десятков тысяч китайцев². Китайцы в составе частей Красной армии сражались на фронтах Гражданской войны. В 1920-е годы они занимались торговлей, принимали участие в общественном и кооперативном движении, учились в советских вузах³. Осложнение отношений с Китаем и конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (далее — КВЖД) в 1929 г. оказали существенное влияние на спад миграционных процессов и ухудшение положения советских китайцев⁴. События 1929 г. надолго отбросили назад начавшийся процесс формирования и развития китайской этнической группы на территории СССР.

В 1930-е годы осложнение военно-политической обстановки на восточных границах привело к репрессиям в отношении китайцев⁵. Хотя советские китайцы и испытали на себе давление со стороны органов государственной власти, но они ощущали поддержку исторической родины. Ведь даже несмотря на военное положение на собственной территории, Китай проявлял беспокойство о своих гражданах, находившихся в соседнем государстве, решая совместно с советским руководством проблемы китайской общины, которой предстояло испытать принудительное переселение. Правда, все завершилось в основном благополучно, и китайцы не подверглись столь масштабной депортации, как, например, корейцы⁶. В итоге в 1930-е годы (и на протяжении всего советского периода) китайцы хоть и проживали в южноуральском регионе⁷, но были малозаметны и разобщены. Сведения о них надолго исчезли из архивных документов и со страниц прессы.

Второй этап пришелся на «эпоху советско-китайской дружбы» (начало 1950-х — середину 1960-х годов), когда для обучения и работы в СССР прибыло несколько десятков тысяч китайцев. Последовавшее в 1964 г. охлаждение отношений двух стран привело к тому, что большинство из них вернулись обратно⁸. Данный период также практически не освещен в литературе об истории китайской миграции в Россию.

Третий этап связан с распадом СССР и начавшейся после этого широкой трудовой и «челночной» миграцией из КНР. В облике крупных российских городов возник феномен «этнических» (нередко «китайских») рынков⁹. Отметим глубокую интеграцию российской и китайской экономики. Двустороннее сотрудничество во всех сферах приобретает все более интенсивный характер. Тесное сближение Москвы и Пекина привело к тому, что китайская миграция получает мощные стимулы для развития. Перепись населения 2010 г. зафиксировала в России 28 тыс. китайцев¹⁰. Значительное их число проживает временно или вовсе с нарушениями паспортного режима, что стало в постсоветскую эпоху источником определенных опасений в российском обществе.

Таким образом, процесс формирования китайской этнической группе в России инициировался трижды, но по ряду причин вступил в свою завершающую стадию только в конце XX — начале XXI в. Изучение каждого из этапов

присутствия китайцев в России позволяет не только выявить характер и динамику перемещений представителей этого крупного этноса на территорию нашей страны, но и раскрыть общие проблемы этнической истории России с позиции постепенного складывания и развития китайской общины. Вполне вероятно, что ближайшие десятилетия пройдут под знаком формирования новых и укрепления уже существующих китайских сообществ в российских регионах. В первую очередь это относится к Дальнему Востоку и Сибири. Деловые круги Китая проявляют заметный интерес и к российско-казахстанскому приграничью, например к Челябинской области, поскольку здесь сосредоточен ряд крупных научных центров, работают важные промышленные предприятия и развит аграрный сектор. Кроме того, регион приобретает статус важного логистического узла в проектах евразийской интеграции.

Настоящая статья посвящена пребыванию представителей китайской этнической группы на Южном Урале в 1920-х годах. Нижняя хронологическая граница исходит из того, что тогда в различных частях СССР формировались китайские организованные сообщества. На территории южноуральского края также появились различные категории выходцев из Китая (трудовые мигранты, торговцы и др.). Органы власти проявляли пристальное внимание к китайцам, находившимся в пределах СССР. Государство прикладывало определенные усилия, чтобы вовлечь их в общественную и экономическую жизнь. Кроме того, проведение Всесоюзной переписи 1926 г. позволило установить национальный состав населения страны и определить численность китайцев. Верхний хронологический рубеж определен конфликтом на КВЖД в 1929 г. и осложнением положения китайской этнической группы на территории СССР.

Сегодня в отечественной исторической науке сформировалось представление о китайцах как об отдельном предмете исследования¹¹. Внимание ученых приковано к закономерностям становления и развития китайской этнической группы, рассматриваются стратегии адаптации выходцев из Китая, их взаимоотношения с принимающим обществом. В основном такие исследования выполнялись на материале Сибири и Дальнего Востока. Целесообразно, на наш взгляд, ограничиться ссылкой лишь на наиболее значительные работы¹². Притом что уже опубликован ряд серьезных исследований, интерес ученых к начальному этапу истории китайской этнической группы в нашей стране не ослабевает¹³. Из новейших публикаций отметим, например, статью М. В. Ходякова и М. Чжао. Основываясь на архивных материалах, ее авторы раскрыли процесс найма и перевозки китайских рабочих из Харбина в Россию в годы Первой мировой войны¹⁴. Существенное внимание в последние годы уделяется положению китайских рабочих в период Гражданской войны¹⁵. Так в работах С. С. Косихиной рассмотрены причины привлечения китайцев в ряды Красной армии и красных партизан, описаны особенности участия данных формирований в борьбе за советскую власть¹⁶. Н. Ф. Бугай на материалах дальневосточного региона обратился к малоизученным страницам истории китайской общности в СССР в 1920–1940-е годы. Ее положение во многом определялось уровнем советско-китайских отношений и сложной военно-политической обстановкой на восточных рубежах¹⁷.

Подробный обзор историографии не является целью настоящей работы, поэтому мы уделим внимание только основным трудам, хронологически и территориально относящимся к рассматриваемой теме. В. И. Дятлов отмечал «необходимость изучения процесса проникновения китайцев не только на макро-, но также на региональном и локальном уровнях»¹⁸. Л. С. Бортник затрагивает отдельные аспекты истории китайцев на Урале в советские годы¹⁹. Серьезное историко-этнографическое исследование китайской этнической группы на Среднем Урале осуществил М. С. Каменских²⁰. Он выявил и впервые ввел в научный оборот значительный массив архивных документов и иных источников, проследил этапы истории группы с момента возникновения ее первых представителей в регионе до настоящего времени. На основе личных дел членов кооператива «Китайский рабочий» в книге представлен примерный облик китайцев Среднего Урала в конце 1920-х годов. В тот период из граждан китайской национальности на Урале проживали преимущественно мужчины, прибывшие на работу в годы Первой мировой войны. В большинстве своем они относились к неграмотным и малоимущим, занимались неквалифицированным физическим трудом и не принимали участия в общественной жизни²¹. Обзор литературы показал, что публикаций о китайцах в границах южноуральского региона пока нет. Этот пробел в историографии необходимо заполнить.

Эмпирическую базу статьи составили материалы архивных фондов Объединенного государственного архива Челябинской области (далее — ОГАЧО). На основе анализа опубликованных статических данных и документов административных отделов Троицкого и Челябинского окружных исполнительных комитетов (Ф. Р-422 и Ф. Р-11) реконструирован коллективный облик китайцев (численность, распределение в городской и сельской местности, гендерное соотношение, возраст, место рождения, принадлежность к той или иной волне миграции, семейное положение, род занятий, служба в армии и образование). Некоторые сведения почерпнуты в фондах Челябинского губернского революционного комитета (Ф. Р-363) и Троицкого окружкома ВКП(б) (Ф. П-170). Указанные источники выявлены автором и впервые вводятся в научный оборот.

Основной источник, позволяющий судить о присутствии китайцев на Урале в 1920-х годах, — результаты Всесоюзной переписи населения 1926 г. В Уральской области тогда учли 391 китайца — это не более 3,8 % от общей численности представителей данной этнической группы на территории СССР (10 247 чел.) Большая часть китайцев проживала на Среднем Урале. Еще до революции китайцы работали на Кизеловских и Губахинских копях, Верх-Исетском, Богословском и Тагильском заводах²².

Китайцы составляли преимущественно городское население (табл. 1). Всего в городах области проживало более 86 % (344 чел.), в то время как в сельской местности — не более 13 % (47 чел.).

С учетом трудового характера миграции основную массу китайцев составляли мужчины. Количество женщин не превышало 8 % (30 женщин, 27 — в городских поселениях, 3 — в сельской местности). Подавляющее большинство женщин жили в городских поселениях (табл. 2).

Таблица 1

**Численность китайцев на территории Уральской области
(по материалам переписи 1926 г.)***

№ п/п	Округа Уральской области	Городское население (чел.)	Сельское население (чел.)
1.	Верхнекамский	99	–
2.	Златоустовский	17	–
3.	Ирбитский	21	7
4.	Ишимский	2	8
5.	Кунгурский	1	–
6.	Курганский	1	–
7.	Пермский	32	1
8.	Сарапульский	4	3
9.	Свердловский	102	10
10.	Тагильский	39	7
11.	Тобольский	–	1
12.	Троицкий	1	3
13.	Тюменский	10	5
14.	Челябинский	13	1
15.	Шадринский	2	1
Итого		344	47

* Подсчитано и составлено автором по: Перепись населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 10.07.2018).

Социальные характеристики можно дополнить рядом архивных материалов. В фондах архива Челябинской области нами проработано 45 личных дел и иные документы о представителях китайской этнической группы в Челябинском и Троицком округах. Привлеченные данные позволяют осуществить примерную реконструкцию социокультурного облика китайцев Южного Урала в 1920-е годы.

Некоторые важные сведения не отражены в документах (стоят прочерки или пометки «сведений нет»). Встречаются и другие отрывочные упоминания. Установлено, что в 1920 г. в Челябинске и его пригородных районах проживали 9 китайцев. В документах указаны только их имена, адреса пребывания и род занятий: это торговец, парикмахер и четыре чернорабочих. По адресу ул. Шоссейная, дом Носиковой, проживали еще трое китайцев: Ли Шин и Чен Чилин —

Таблица 2

Гендерный состав китайского населения Уральской области по материалам переписи населения 1926 г.*

№ п/п	Округа Уральской области	Мужчины (чел.)	Женщины (чел.)
1.	Верхнекамский	95	4
2.	Златоустовский	17	–
3.	Ирбитский	28	–
4.	Ишимский	9	1
5.	Кунгурский	1	–
6.	Курганский	1	–
7.	Пермский	28	5
8.	Сарапульский	7	–
9.	Свердловский	97	15
10.	Тагильский	44	2
11.	Тобольский	1	–
12.	Троицкий	4	–
13.	Тюменский	14	1
14.	Челябинский	12	2
15.	Шадринский	3	–
Итого		361	30

* Подсчитано и составлено автором по: Перепись населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 10.07.2018).

сотрудники Китайского разведывательного отдела Восточного фронта, а также один красноармеец, находившийся в отпуске по болезни²³. На мельнице братьев Степановых в Челябинске в 1920 г. работали 18 китайских подданных (грузчики и чернорабочие)²⁴. Найдена также переписка о выдаче новых видов на жительство гражданам китайской национальности, ходатайства о переходе в советское гражданство. Есть адреса, по которым в 1924–1927 годах в Челябинске проживал ряд выходцев из Китая: ул. Рабоче-Крестьянская, 7 (6 чел.), ул. Победы, 96 (8 чел.), Лазаретный пер. 123 (1 чел.), ул. Спартака, 34а (3 чел.) и ул. Тагильская, 15 (1 чел.)²⁵ (это неполный перечень).

Перейдем к характеристике социокультурного облика китайских мигрантов. В первую очередь интерес представляет их возраст. Анализ личных

данных показал присутствие двух основных возрастных категорий — это условно те, кому было около 39–43 и 29–33 лет (табл. 3).

Таблица 3

Возраст китайцев на Южном Урале в 1926–1929 гг.*

До 1885 г. р.	1886–1890 г. р.	1891–1895 г. р.	1896–1900 г. р.	1901–1905 г. р.	После 1905 г. р.
4 чел.	14 чел.	10 чел.	17 чел.	4 чел.	5 чел.

* Подсчитано и составлено автором по: ОГАЧО. Ф. Р-422. Оп. 6. Д. 16–20, 23–24, 31, 44, 71, 74–77, 79–81, 84, 88, 125–126, 128, 141, 143, 148–154, 159–160, 162–165, 167–168, 173, 175, 180, 182, 185; Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 38.

Большая часть китайских мигрантов происходила из северо-восточных провинций Китая, подавляющее большинство — из провинции Шаньдун (табл. 4). Отметим, что основу китайской этнической группы Урала и России в целом образуют выходцы именно из этих районов Китая²⁶. В ряде случаев архивные документы не содержали информацию о месте происхождения или в них фигурировали только названия городов и деревень, местоположение которых определить довольно трудно.

Таблица 4

Место рождения китайских мигрантов, живших в Челябинске и Троицке в 1920-е годы*

Провинция / город рождения	Количество выходцев из провинции/города (чел.)
Мукден	3
Ханькоу (ныне г. Ухань, провинция Хубэй)	2
Шанхай	3
Чжили (ныне провинция Хэбэй)	4
Харбин	3
Пекин	2
Шаньдун	25
Хенань	1

* Подсчитано и составлено автором по: ОГАЧО. Ф. Р-422. Оп. 6. Д. 18–20, 23–24, 31, 44, 71, 74–77, 80–81, 84, 88, 125–126, 128, 141, 143, 149–151, 153–154, 159–160, 162–165, 167–168, 180, 182, 185; Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 38.

Пристального внимания заслуживают время и маршруты миграции китайцев в Россию. В дореволюционный период приехали 25 чел., а в советский — 30 чел. (в основном в 1926–1928 гг.)²⁷.

Из документов видно, что миграция часто носила транзитный характер. Прибыв в СССР, китайцы передвигались с целью заработка и трудоустройства из города в город, например из Читы в Троицк по торговым делам, а также из Витебска, Кустаная, Челябинска, Петропавловска, Москвы и Уфы²⁸. Найден документ, свидетельствующий о том, что в январе 1927 г. в Самару из Челябинска прибыли трое китайцев²⁹. В отдельных делах нет информации о месте, из которого прибывал мигрант. Проследить направления перемещений с территории округа сложнее. В листах для убывающих часто можно встретить запись «выбыл, неизвестно куда» или эта графа вовсе оставалась пустой. Большинство приезжали из ближайших городов (Челябинск, Кустанай и Уфа). Среди направлений выезда преобладали Челябинск и Москва (табл. 5).

Таблица 5

Прибытие китайцев в Троицкий округ и выезд из него в 1926–1929 гг. (чел.)*

Откуда прибыл		Куда выбыл	
Челябинск	6	Челябинск	9
Свердловск	2	Свердловск	2
Москва	1	Москва	5
Китай	2	Китай	3
Чита	1	Чита	1
Омск	1	Омск	1
Уфа	4	Ташкент	2
Кустанай	3	Новосибирск	1
Витебск	1	Неизвестно куда	14
Ростов-на-Дону	1		
Иркутск	2		
Пермь	1		
Петропавловск	1		

* Подсчитано и составлено автором по: ОГАЧО. Ф.Р-422. Оп. 6. Д. 16–17, 19–20, 24, 31, 44, 53, 71, 74–77, 79–81, 88, 125–126, 128, 148–152, 141, 143, 153–154, 159–160, 162–165, 167, 175, 182, 189.

Информация в делах китайских мигрантов советского времени достаточно скудна. Исключение составляет дело фокусника Лян Пайзан. В графе «Родственники» указаны его младшие братья 8 и 12 лет. Судя по всему, все трое братьев Лян проживали в Троицке³⁰. Вполне возможно, что они давали представления для местной публики. Их дальнейшие следы найти не удалось, в деле отсутствует выписка об убывающих. В основном китайцы приезжали в поисках

заработка, так как уровень безработицы в Китае был весьма высок. Встречен только один случай, не связанный с трудовой и торговой миграцией: китайка Чжан Шиши приехала на Урал в 1927 г., спасаясь от гражданской войны, полыхавшей в Китае³¹.

Больше интересных фактов содержится в документах старожилов дореволюционного периода: данные о семейном положении, службе в Красной армии и участии в Гражданской войне, смене места жительства и работы.

Холостяки составляли большинство (табл. 6). В документах мигрантов поздней имперского периода достаточно подробно описан состав их семей. Так, Ван Чжанюан имел семью (приехал еще в 1905 г.)³² — у него была жена Таня (24 года) и сын Николай (5 лет, родился в 1921 г.). Установлены еще по крайней мере шесть случаев, когда женами китайцев являлись русские женщины, возраст детей не превышал пяти-шести лет³³. Это говорит о том, что старожилы дореволюционной волны миграции уже неплохо адаптировались в обществе.

Таблица 6

Семейное положение китайских мигрантов на Южном Урале в 1920-е годы*

Состоит в браке	Не состоит в браке	Вдовец
17 чел.	25 чел.	1 чел.

* Подсчитано и составлено автором по: ОГАЧО. Ф.Р-422. Оп. 6. Д. 16, 18–20, 24, 31, 44, 71, 74, 76–77, 79, 81, 84, 88, 125, 128, 141, 143, 148–152, 154, 159–160, 162–165, 167–168, 173, 175, 180, 182, 185.

В архивных документах обнаружена информация о службе в частях Красной армии в годы Гражданской войны и о занятости в тот же период. Наряду с другими этническими группами китайцы активно включились в революционную борьбу и защиту завоеваний советской власти. Несмотря на то что в обработанных документах есть данные о службе китайцев в Красной армии в годы Гражданской войны, сведения носят неполный характер³⁴. Вот лишь несколько исключений: Сунь Ханзун проходил службу в составе 4-го кавказского пехотного полка в 1918–1920 гг.³⁵; Шу Кинши в 1918–1919 гг. служил в составе 5-й армии³⁶. В частях Красной армии прошли службу пять южноуральских китайцев.

Найдены интересные данные о сферах занятости китайских мигрантов. Ши Кутин приехал в Пермь еще в 1915 г., работал на угольных коях и Надеждинском заводе. С 1918 по 1928 г. трудился на Троицком холодильнике кочегаром и машинистом³⁷. Больше подробностей содержит личное дело Ван Чинхина. Он приехал в Пермь в 1913 г. Работал дровоколом и чернорабочим «в разных городах» — из конкретных населенных пунктов указан только город Туринск. В 1919 г. поступил на службу в Красную армию. После окончания Гражданской войны приехал в Челябинск, где торговал табачной продукцией. В 1927 г. переселился в Троицк и занялся на новом месте жительства изготовлением кваса³⁸. Найден документ, показывающий, что Ин Тошин (он же в документах архивного дела — Жэн Дэшун, прибыл в 1914 г) в ноябре 1925 — апреле

1926 г. работал чернорабочим в Челябингольтресте³⁹. В 1928 г. он уже трудился в квасной у Ван Чинхина⁴⁰. Ли Циньгунь (в России с 1917 г.) работал на угольных шахтах (название в документе нечитаемо). В 1918–1920 гг. служил в одном из китайских полков, принимал участие в сражениях Гражданской войны, где получил ранение. После излечения уволен со службы, пять лет проработал в «разных городах чернорабочим». В 1925–1927 гг. жил в Уфе и Троицке, также занимался изготовлением кваса⁴¹.

Перейдем к общей характеристике сфер занятости. Большинство китайских мигрантов относилось к категории чернорабочих (табл. 7). Вторую по численности группу составляли торговцы. Дополняя картину, укажем, что из восьми проживавших в Челябинском округе в 1926–1927 гг. китайцев пять обозначены как «лица свободных профессий», один как рабочий и два — как служащие⁴². В качестве второй специализации многие китайцы могли заниматься мелкой торговлей и кустарными промыслами. Основными сферами деятельности были неквалифицированный физический труд, торговля и сфера обслуживания (квасники, сапожники и др.).

Таблица 7

Профессия или род занятий китайских мигрантов на Южном Урале в 1920-е годы*

Профессия или род занятий	Количество (чел.)
Домашнее хозяйство	2
Цветочник	2
Торговец	14
Фокусник	3
Игрушечник	1
Портной	1
Пекарь	1
Квасник	5
Сапожник	2
Рабочий-машинист	1
Огородник	1
Слесарь	1
Чернорабочий	21

* Подсчитано и составлено автором по: ОГАЧО. Ф. Р-422. Оп. 6. Д. 18–20, 23–24, 31, 44, 71, 74–77, 79–81, 84, 88, 125–126, 128, 141, 143, 148–154, 159–160, 162–165, 167–168, 173, 175, 180, 182, 185; Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 38.

Подавляющее большинство мигрантов по уровню образования были неграмотными. Только в трех случаях указано знание китайской грамоты, в одном — «малограмотен»⁴³.

Китайцы в массе своей являлись временными трудовыми мигрантами, поэтому стремление к глубокой интеграции демонстрировали немногие, зачастую предпочитая самоизоляцию, оставаясь вне социальной структуры принимающего общества. Выявлен только один активный «общественник»: упомянутый выше в сюжете о занятости Ши Кутин с 1918 г. не только состоял в союзе пищевиков, но и вступил в партию в апреле 1926 г.⁴⁴ Помимо этого, в личных делах указана информация о членстве в профсоюзе еще трех человек (объединение кустарей и профсоюз транспортников)⁴⁵. Отличительной особенностью китайских общинных институтов была ориентация на укрепление связей с родиной, решение текущих хозяйственных задач и осуществление посреднических функций во взаимоотношениях с местным населением и властями⁴⁶. Наиболее вероятно, что на Южном Урале возник бы именно такой тип социальной организации китайцев.

Немаловажно и отношение местного населения к гостям с Востока. Пока в прессе и архивных документах не встречено свидетельств конфликтов и неприязни, скорее можно говорить о внимании к революционным событиям в Китае. Так, в докладе о политическом положении в Верхнеуральском районе Троицкого округа сказано, что среди жителей Троицка и Верхнеуральска, которые имели родственные связи с белогвардейцами в Китае, ходили разнообразные слухи о китайской революции. Ее сравнивали с событиями в России в 1917–1918 гг. Забастовки и демонстрации, вспыхнувшие в китайских городах летом 1925 г., связывали с большевистской агитацией. Белогвардейцы вступали в правительственные войска Китая и под командованием генерала К. П. Нечаева сражались против восставших⁴⁷.

Изученные в региональном архиве документы способствовали приращению исторического знания о проживании китайцев в южноуральском крае. История пребывания китайцев на Южном Урале тесно связана с историей китайцев в СССР. Формирование китайской этнической группы в 1920-е годы могло вступить в завершающую стадию, но репрессии и прекращение контактов с Китаем привели к затуханию процесса развития китайской общины. Несмотря на то что официальная численность китайцев была сравнительно невелика, выявлен массив архивных документов, раскрывающих историю присутствия в южноуралье достаточно большого количества китайских мигрантов. Реконструирован примерный облик представителей китайской этнической группы на территории края — это преимущественно мужчины зрелого возраста, занятые тяжелым физическим трудом, торговцы, работники сферы обслуживания, неграмотные. Отчетливо прослеживаются две миграционные волны: дореволюционная и советская. Мигранты дореволюционного периода вполне могли составить основу диаспоры, поскольку влились в общество и неплохо адаптировались к трудовым отношениям. Некоторые женились на русских женщинах и имели от них детей. В 1920-х годах появилось немало мигрантов советской волны. Большинство ее представителей не сумело

закрепиться в СССР. В 1930-е годы следы китайцев постепенно пропадают из архивных документов. Полученные результаты в целом коррелируют с тем обликом, который реконструирован на материалах Среднего Урала в работе М. С. Каменских.

Следующим шагом в изучении истории китайской миграции на Южном Урале станет расширение источниковой базы и хронологических рамок. Для этого требуется продолжить поиски в фондах областного архива Челябинской области, привлечь документы хранилищ Оренбургской области и Башкирии, использовать периодическую печать, статистические и полевые материалы, что позволит воссоздать и сравнить дореволюционный, советский и постсоветский периоды истории китайцев в региональном измерении. Необходимо не только изучить практики адаптации китайцев, но и раскрыть саму обстановку в регионах их проживания: описать восприятие китайской общины местным населением; определить ее роль и место в системе многонационального российского государства; выявить формы взаимодействия китайцев с представителями других этнических общностей.

¹ См. об этом: *Дятлов В. И.* Россия: в предчувствии чайнатаунов // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 6–16. — Чайнатауны становятся одной из форм зримого присутствия китайской диаспоры. Наиболее известные из них расположены в Лондоне, Нью-Йорке, Мельбурне, Оттаве, Сан-Франциско и Париже.

² См. об этом: *Alexeeva O. V.* Experiencing War: Chinese Workers in Russia During the First World War // *The Chinese Historical Review*. 2018. Vol. 25, iss. 1. P. 46–66.

³ См. об этом: *Ларин А. Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009.

⁴ *Дацышен В. Г.* Китайцы в России и советско-китайский конфликт на КВЖД // *Российская история*. 2011. № 5. С. 52. — По переписи 1926 г. на территории Дальневосточного края проживали 3815 граждан СССР и около 68 тыс. иностранцев китайской национальности, в Сибирском крае были зафиксированы 1409 советских китайцев и 2151 гражданин Китая. Крупная китайская община сложилась в Москве, где в 1928 г. насчитывалось около 8 тыс. китайцев. Так, в районе нынешней станции метро «Бауманская» во время нэпа располагался своего рода чайнатаун с ресторанами, торговыми лавками и правлением общества «Возрождение Китая». Значительное число китайцев (более 500) проживало в Ленинграде, в середине 1920-х годов до тысячи китайских рабочих находились на Донбассе. Немало китайцев оседало в других районах СССР, в том числе на Южном Урале.

⁵ Так, М. С. Каменских установил, что в 1930-х годах репрессиям подверглась значительная часть китайцев Среднего Урала. Исходя из результатов переписи 1926 г. и количества репрессированных получилось, что приблизительно 40% китайцев региона были репрессированы (*Каменских М. С.* Китайцы на Среднем Урале в конце XIX — начале XXI в. СПб., 2011. С. 150).

⁶ См. об этом: *Бугай Н. Ф.* Китайцы в СССР и России: политика двух стандартов (1920–1940-е годы) // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8, № 1–2. С. 52–66.

⁷ Динамика численности китайцев в Челябинской области выглядит следующим образом. В материалах переписи населения 1939 г. зафиксировано 72 китайца, в 1959 г. китайцы уже не фигурировали в качестве отдельной группы и были, видимо, отнесены к категории «прочие национальности», в 1970 г. их численность составила 60 чел., в 1979 г. — 58 чел. в 1989 г. — 55 чел. Иными словами, на протяжении всего советского периода количество представителей китайской этнической группы не превышало 50–70 чел. В постсоветский период ситуация изменилась. В 2002 г. отмечен существенный рост до 192 чел., а в 2010 г. перепись показала присутствие уже 171 китайца. Разумеется, в постсоветский период их реальная численность была

значительно выше и составляла до нескольких тысяч временных мигрантов.

⁸ См. об этом: *Han D.* Returnees and their Political Impact: evidence from returned students and trainees from the Soviet Union in China, 1950–1966 // *Journal of Contemporary China*. 2013. Vol. 22, iss. 84. P. 1106–1123.

⁹ См. об этом: *Бурнасов А.* Китайский рынок как логистический центр: на примере рынка «Таганский ряд» в Екатеринбурге // *Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством*. М., 2007. С. 68–80; *Этнические рынки в России: пространство торгового и места встречи* / науч. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григорьев. Иркутск, 2015.

¹⁰ Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 10.07.2018).

¹¹ Историография см. здесь: *Каменских М. С.* Китайцы на Среднем Урале... С. 13–19.

¹² *Сорокина Т. Н.* Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX вв.). Омск, 1999; *Аленко А. В.* Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. — 1917 г.). Хабаровск, 2001; *Нестерова Е. И.* Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток, 2004; *Дацышен В. Г.* Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008; *Ларин А. Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009.

¹³ *Дацышен В. Г.* Китайские солдаты в России в 1929 г. // *Общество и государство в Китае*. 2015. Т. 45, № 18-2. С. 730–739; *Литовская М. А., Ши С.* Китай и китайцы на страницах уральских периодических изданий в 1920–1930-х гг. // *Уральский исторический вестник*. 2016. № 2. С. 143–151; *Коровушкин Д. Г., Коровушкин И. Г.* Китайцы в Азиатской России: расселение и численность в конце XIX — начале XX века // *Гуманитарные науки и образование в Сибири*. 2016. № 4. С. 97–122; *Рукоусев Е. Ю., Шумкин Т. Г.* Восстание китайских рабочих в Алапаевском горном округе в мае 1916 г. // *Историко-педагогические чтения*. 2017. № 21-2. С. 238–245.

¹⁴ *Ходяков М. В., Чжао Ч.* Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // *Новейшая история России*. 2017. № 1. С. 7–30.

¹⁵ *Залеская О. В.* Участие китайских мигрантов в Гражданской войне на Российском Дальнем Востоке // *Власть и управление на Востоке России*. 2009. № 1 (46). С. 103–108; *O'Neill M.* From the Tsar's Railway to the Red Army: The Experience of Chinese Laborers in Russia During the First World War and Bolshevik Revolution. London, 2014; *Lin Y. R.* Among Ghosts and Tigers: The Chinese in the White Terror // *Revolutionary Russia*. 2015. Vol. 28, iss. 2. P. 140–166; *Чжан Ю., Гагкуев Р. Г.* Китайские добровольцы в гражданской войне в России: между красными и белыми // *Российская история*. 2019. № 1. С. 60–71.

¹⁶ *Косихина С. С.*: 1) Участие китайцев в Гражданской войне в России // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах: этнокультурные процессы в политическом процессе* / под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск, 2013. С. 175–181; 2) Фактор китайского наемничества в период Гражданской войны в России // *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества* / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. Благовещенск, 2014. С. 84–87.

¹⁷ *Бугай Н. Ф.* Китайцы в СССР и России... С. 52–66.

¹⁸ *Дятлов В. И.* Новая китайская диаспора в Сибири как вызов национальной безопасности России // *Восток*. 1999. № 1. С. 118.

¹⁹ *Бортник Л. С.*: 1) Китайцы в Прикамье в XX веке // *Федеральная миграционная служба и миграционные процессы в регионах России: история и современность: мат-лы интернет-конференции*. Пермь, 2008. С. 98–108; 2) Великие соседи — дружба навек? // *Федеральный вестник Прикамья*. 2006. № 12. С. 34–39.

²⁰ *Каменских М. С.* Китайцы на Среднем Урале...

²¹ Там же. С. 133–136.

²² *Каменских М. С.* Китайцы на Среднем Урале... С. 133.

²³ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее — ОГАЧО). Ф. Р-363. Оп. 2. Д. 34. Л. 1–2.

²⁴ ОГАЧО. Ф. Р-363. Оп. 2. Д. 27. Л. 15–16.

²⁵ ОГАЧО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 40. Л. 288; Оп. 2. Д. 38. Л. 70.

- ²⁶ *Каменских М. С.* Китайцы на Среднем Урале... С. 144.
- ²⁷ Подсчитано автором по: ОГАЧО. Ф.Р-422. Оп. 6. Д. 16, 18–20, 23–24, 31, 44, 71, 74–77, 79–81, 84, 88, 125–126, 128, 141, 143, 148–154, 159–160, 162–165, 167–168, 173, 175, 180, 182, 185.
- ²⁸ ОГАЧО. Ф.Р-422. Оп. 6. Д. 17. Л. 6; Д. 24. Л. 2; Д. 31. Л. 3; Д. 71. Л. 5; Д. 79. Л. 5; Д. 128. Л. 3; Д. 151. Л. 3; Д. 150. Л. 9; Д. 81. Л. 12; Д. 152. Л. 3; Д. 149. Л. 4.
- ²⁹ ОГАЧО. Ф.Р-11. Оп. 1. Д. 36. Л. 62.
- ³⁰ ОГАЧО. Ф.Р-422. Оп. 6. Д. 84. Л. 1.
- ³¹ Там же. Д. 165. Л. 1.
- ³² Не удалось установить, был ли он в числе выдворенных в 1904–1905 гг. на территорию Пермской губернии
- ³³ ОГАЧО. Ф.Р-422. Оп. 6. Д. 81. Л. 1, 10; Д. 148. Л. 1; Д. 150. Л. 2; Д. 164. Л. 1; Д. 173. Л. 1, 3; Д. 175. Л. 1; Д. 182. Л. 1.
- ³⁴ Там же. Д. 164. Л. 1; Д. 167. Л. 1; Ф.Р-11. Оп. 2. Д. 38. Л. 83 об.
- ³⁵ Там же. Ф.Р-422. Оп. 6. Д. 125. Л. 3.
- ³⁶ Там же. Д. 175. Л. 1 об.
- ³⁷ Там же. Д. 173. Л. 1.
- ³⁸ Там же. Д. 16. Л. 1–1 об., 4.
- ³⁹ Там же. Д. 53. Л. 8.
- ⁴⁰ Там же. Л. 9.
- ⁴¹ Там же. Д. 88. Л. 6.
- ⁴² ОГАЧО. Ф.Р-11. Оп. 6. Д. 40. Л. 1.
- ⁴³ ОГАЧО. Ф.Р-422. Оп. 6. Д. 151. Л. 1; Д. 168. Л. 1; Д. 173. Л. 2; Ф.Р-11. Оп. 2. Д. 38. Л. 83.
- ⁴⁴ ОГАЧО. Ф.Р-422. Оп. 6. Д. 173. Л. 3 об.
- ⁴⁵ Там же. Д. 125. Л. 3 об.; Д. 141. Л. 1 об.; Д. 151. Л. 1 об.
- ⁴⁶ См. подробнее: *Нестерова Е. И.* Формы самоорганизации китайских мигрантов и хуачя во второй половине XIX — начале XX в. // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск, 2010. С. 402–439.
- ⁴⁷ ОГАЧО. Ф.П-170. Оп. 1. Д. 196. Л. 102, 190.

Статья поступила в редакцию 21 октября 2018 г.

Рекомендована в печать 14 ноября 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Авдашкин А. А. Китайцы на Южном Урале в 1920-е годы // *Новейшая история России.* 2020. Т. 10, № 1. С. 103–118. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.107>
УДК 39:94(=581)(470.55)

Аннотация: Статья посвящена китайским мигрантам на Южном Урале в 1920-х годах. Пребывание китайцев в СССР на том этапе не регулировалось запросами заводов и угольных шахт на дешевую рабочую силу, как было в царской России. Китайцы приезжали на заработки как трудовые мигранты, занимались торговлей, принимали определенное участие в общественном и кооперативном движении, получали образование в советских вузах. Зарождались реальные предпосылки для появления стабильной китайской общины, в том числе на территории южных районов Урала. Однако осложнение отношений между СССР и Китаем, конфликт на Китайско-Восточной железной дороге в 1929 г. заметно ухудшили положение советских китайцев и существенно сократили дальнейший миграционный прирост. Начавшийся было процесс формирования и развития китайской диаспоры остановился на несколько десятилетий. На основе впервые выявленных и вводимых в научный оборот архивных документов реконструирован примерный социокультурный облик китайцев на Южном Урале. Изученные материалы позволили получить представление о таких важных характеристиках группы, как: общая численность, распределение в городской и сельской местности, гендерное соотношение, возраст, место рождения, принадлежность к той или иной волне миграции, семейное положение, род занятий, смена

места жительства и работы, служба в армии, уровень образования, участие в общественной жизни. В тексте статьи описан ряд подробностей биографии китайцев Южного Урала, показаны особенности миграционных волн позднеимперского и раннесоветского периодов российской истории.

Ключевые слова: диаспора, китайцы, мигранты, миграция, этническая история, Урал, Южный Урал, Уральская область.

Сведения об авторе: Авдашкин А. А. — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия); adrianmaricka@mail.ru

Южно-Уральский государственный университет, Россия, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 76

FOR CITATION

Avdashkin A. A. 'The Chinese in the Southern Urals in the 1920s', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 1, 2020, pp. 103–118. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.107>

Abstract: The article explores Chinese migrants in the Southern Urals in the 1920s. At this historical stage, Chinese migration to the USSR was not regulated by requests of factories and coal mines for cheap labor, as was the case in tsarist Russia. Chinese migrants came to the Soviet Union to earn money, engage in trade in part in the social and cooperative movement, and study at Soviet universities. Prerequisites for the emergence of a stable Chinese community, including in southern regions of the Urals, were born. However, the complication of relations between the USSR and China and conflict over the CER in 1929 worsened the situation of the Soviet Chinese and led to a reduction of further migration. For several decades, the formation and development of the Chinese diaspora was stopped. Based on archival documents first identified and put into circulation, the approximate sociocultural appearance of the Chinese in the South Urals is reconstructed. These materials make it possible to get an idea of such important characteristics as: total number, distribution in urban and rural areas, gender, age, place of birth, migration, marital status, occupation, change of residence and work, military service, level of education, and participation in public life. The article describes a number of details in the biography of the Chinese in the Southern Urals and shows features of migration waves of the late imperial and early Soviet periods of Russian history.

Keywords: diaspora, Chinese, migrants, migration, ethnic history, Urals, Southern Urals, Urals region.

Author: Avdashkin A. A. — PhD, Senior Researcher, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia); adrianmaricka@mail.ru

South Ural State University, 76, pr. Lenina, 454080, Chelyabinsk, Russia

References:

- Alepko A. V. *Foreign capital and entrepreneurship in the Far East of Russia (end of the 18th century — 1917)* (Khabarovsk, 2001). (In Russian)
- Alexeeva O. V. 'Experiencing War: Chinese Workers in Russia during the First World War', *The Chinese Historical Review*, vol. 25, no. 1, 2018. DOI: 10.1080/1547402X.2018.1437512.
- Bortnik L. S. 'Chinese in Prikamye in the 20th century', *Federalnaia migratsionnaia sluzhba i migracionnye protsessy v regionakh Rossii: istoriia i sovremennost'*: mat-ly internet-konferentsii (Perm, 2008). (In Russian)
- Bortnik L. S. 'Great neighbors — friendship forever?', *Federalnyi vestnik Prikam'ia*, no. 12, 2006. (In Russian)
- Bugay N. F. 'The Chinese in the USSR and Russia: the policy of two standards (1920–1940s)', *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'*, vol. 8, no. 1-2, 2016. (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-52-66.
- Burnasov A. 'The Chinese market as a logistics center: the example of the Tagansky Ryad market in Yekaterinburg', *Migranty i diaspory na Vostoke Rossii: praktiki vzaimodeistviia s obshchestvom i gosudarstvom* (Irkutsk, 2007). (In Russian)
- Chzhan Yu., Gagkuev R. G. 'Chinese Volunteers in the Civil War in Russia: Between Red and White', *Rossiiskaia istoriia*, no. 1, 2019. (In Russian). DOI: 10.31857/S086956870004220-3.
- Datscyshen V. G. *The Chinese in Siberia in 17th–20th Centuries: Problems of Migration and Adaptation* (Krasnoyarsk, 2008). (In Russian)

- Datsyshen V. G. 'Chinese soldiers in Russia in 1929', *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, vol. 45, no. 18-2, 2015. (In Russian)
- Datsyshen V. G. 'The Chinese in Russia and the Sino-Soviet conflict on the CER', *Rossiiskaia istoriia*, no. 5, 2011. (In Russian)
- Dyatlov V. I. 'New Chinese diaspora in Siberia as a challenge to Russia's national security', *Vostok*, no. 1, 1999. (In Russian)
- Dyatlov V. I. 'Russia: in anticipation of the Chinatowns', *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, 2008. (In Russian)
- Han D. 'Returnees and their Political Impact: evidence from returned students and trainees from the Soviet Union in China, 1950–1966', *Journal of Contemporary China*, vol. 22, no. 84, 2013. DOI: 10.1080/10670564.2013.795318.
- Khodjakov M. V., Zhiqing Zhao. 'Chinese labor migration to Russia during the First World War', *Modern History of Russia*, no. 1, 2017. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.101.
- Kamenskikh M. S. *The Chinese in the Middle Urals in the late 19th — early 21st century* (St. Petersburg, 2011). (In Russian)
- Kosikhina S. S. 'The participation of the Chinese in the Civil War in Russia', *Rossia i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh: etnokul'turnye protsessy v politicheskom protsesse* (Blagoveshchensk, 2013). (In Russian)
- Kosikhina S. S. 'The factor of Chinese mercenary during the Civil War in Russia', *Rossia i Kitai: istoriia i perspektivy sotrudnichestva*, eds D. V. Buiarov, D. V. Kuznetsov (Blagoveshchensk, 2014). (In Russian)
- Korovushkin D. G., Korovushkin I. G. 'Chinese in Asian Russia: resettlement and abundance in the late 19th — early 20th centuries', *Gumanitarnye nauki i obrazovanie v Sibiri*, no. 4, 2016. (In Russian)
- Larin A. G. *Chinese migrants in Russia. History and Modernity* (Moscow, 2009). (In Russian)
- Litovskaya M. A., Shi S. 'China and Chinese on the pages of the Ural periodicals in the 1920–1930s.', *Uralskii istoricheskii vestnik*, no. 2, 2016. (In Russian)
- Lin Y. R. 'Among Ghosts and Tigers: The Chinese in the White Terror', *Revolutionary Russia*, vol. 28, no. 2, 2015. DOI: 10.1080/09546545.2015.1097039.
- Nesterova E. I. *The Russian administration and Chinese migrants in the south of the Russian Far East (second half of the 19th — early 20th centuries)* (Vladivostok, 2004). (In Russian)
- Nesterova E. I. 'Forms of self-organization of Chinese migrants and huaqiao in the second half of the 19th — early 20th centuries', *Migratsii i diaspori v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi 19–20 i 20–21 vekov* (Irkutsk, 2010). (In Russian)
- O'Neill M. *From the Tsar's Railway to the Red Army: The Experience of Chinese Laborers in Russia during the First World War and Bolshevik Revolution* (London, 2014).
- Rukosuev E. Yu., Shumkin T. G. 'The uprising of Chinese workers in the Alapaevsky mountain district in May 1916', *Istoriko-pedagogicheskie chteniia*, no. 21-2, 2017. (In Russian)
- Sorokina T. N. *The economic activities of Chinese citizens in the Far East of Russia and the policy of the administration of the Amur Region (late 19th — early 20th centuries)* (Omsk, 1999). (In Russian)
- Ethnic markets in Russia: bargaining space and meeting place* (Irkutsk, 2015). (In Russian)
- Zalesskaya O. V. 'The participation of Chinese migrants in the Civil War in the Russian Far East', *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, no. 1. 2009. (In Russian)

Received: October 21, 2018
Accepted: November 14, 2019